[П/П: Название главы отсылает на Макбета Уильяма Шекспира]

— Следуем дальше, точки 183-570. Группа Муравьев размером в взвод.

— Цель в поле зрения. Один взвод Муравьев… Включая три цели.

— Принято. Стрелок – открыть огонь.

†

Рядом с бывшей границей Объединенного королевства, на территориях Легиона, расположенных вдоль южных регионов горного хребта Драконьего трупа, проводилась подготовка к следующему наступлению. На линии фронта находился тяжеловесный класс машин Легиона, тогда как десант с воздуха готовился прямо позади них.

Три Кентавра и взвод Муравьев ожидали на пологом склоне передом к западу – на горизонте между серебряными облаками и ослепительным снежным пейзажем. Им было приказано оставаться в этом режиме. Боевые машины не знали ничего о понятии усталости и продолжали бездействовать в ожидании приказа атаковать без тени недовольства.

Внезапно в воздухе раздался лязг высокоскоростного металла высокой плотности, что впился в броню. Кентавр бессильно рухнул из-за пробитого ядра.

Рядом находящиеся Муравьи повернули свои сенсоры в направлении упавшего Кентавра, у которого словно перерезали марионеточные нити. В то же время оставшиеся два Кентавра были уничтожены тем же способом.

Высокоскоростные, бронебойные снаряды летели с начальной скоростью в 1,600 метров в секунду – быстрее эха, которое приносило с собой залпы.

Муравьи наконец повернулись, чтобы засвидетельствовать судьбу Кентавров, но у них не было лишнего мгновения, чтобы передать информацию по вражескому нападению Верховному главнокомандующему. Оставшиеся машины были абсолютно беспомощны против 88-мм снарядов, плотно выпущенных благодаря скорости автоматической системы зарядки.

†

— Подавление основных целей и дополнительных выполнено, Бог Смерти-доно.

— Принято. Крена, смени позицию. Следующим проведи обманный маневр. Людмила – точки 202-358. Предположительно, там бронетанковый отряд, состоящий преимущественно изо Львов. Подтверди информацию.

— Будет сделано. Компания Малиновка, меняю местоположение. Двигаюсь к…

Слушая переговоры между Шином и командующей Малиновкой, – Сирин с позывным Людмила, – Крена заставила Стрелка встать со своей снайперской позиции. Она находилась в лесу, среди черных хвойных деревьев, чьи вершины вздымались вверх подобно пронзающим небеса копьям. Они напоминали шипы на спине дракона.

Из-за ударных волн от выстрелов густой снег с деревьев сыпался на фюзеляж агрегата, и теперь он весь соскользнул на землю. Из-за температуры он не плавился и оставался все таким же белым и рассыпчатым. Небо над лесом в зоне конфликта, находящимся близко к территориям Легиона, сейчас было покрыто слоем серебра. А за облаками поденков, вероятно, скрывалась командующая машина – Ворон.

Для скрытия ее от них корпус Джаггернаута был выкрашен в белый камуфляжный цвет. Но при выстреле из 88-мм пушки громоподобный рев все равно раскроет ее местоположение. Именно поэтому Крена, прежде чем эти раздражающие воздушные блюстители приблизились к ней, передвинула своего Стрелка, воспользовавшись толстыми ветками в качестве укрытия.

Впрочем, тоже самое делали и Шин, отвечавший за разведку в зонах ведения военных действий, и Алконосты, занимающиеся подтверждением целей. Поскольку их силы в данный момент были сильно ограничены, – отряд состоял только из членов «Острия копья» и одной компании Алконостов, – им требовалось всячески избегать любых стычек.

— Хорошая работа, Стрелок-доно. Дарья отступает, — получила она через синхронизацию ответ от Сирин, также отвечающей за разведку, Дарьи.

У нее имелись розовые, заплетенные в косички волосы, а выглядела она моложе остальных Сиринов, которых специально делали юными девушками.

Они взаимодействовали вместе еще на базе Ревич и продолжали работать сообща даже после переезда на резервную базу. Крена и остальные процессоры смогли привыкнуть к сотрудничеству с Сиринами, чего удалось достичь благодаря множеству совместных операций. Конечно, теперь в операции по захвату горы Драконий клык участвовать будут меньше сил, но отряд вторжения мало чем отличался от состава в первоначальном плане.

Однако Крена все еще не понимала, как ей обращаться к девушкам, которые сами себя окрестили одноразовым оружием.

— Но я все же считаю, что Вам следует оставить эту работу нам. Да, мы находимся в зоне конфликта, но она довольно близко к территориям Легиона, так что эта миссия достаточно опасна для жизни человека.

— Только вот вы не то что бы… могли исполнить то же самое, что и я.

Она почти назвала их одноразовыми, но вовремя остановилась. Она не хотела говорить этого – говорить слова, адресованные белыми свиньями «восемьдесят шесть». Но Сирины отличались от «восемьдесят шесть».

«Мы – не они. Мы можем быть похожи в чем-то, но мы – не они.»

— …Может Вы и правы. Мы специализируемся только на ближнем бою и не обладаем таким снайперским мастерством, как у Вас, Стрелок-доно. Но можно переслать нам данные по стрельбе с Джаггернаутов, после чего мы уже проанализируем снайперские приемы. Таким образом, мы сможем обучиться. А когда наберемся достаточно опыта…

Крена плотно сжала губы.

— Ни за что…

«У меня только они и есть. Мне позволено быть рядом с Шином лишь на поле боя. Моя мечта заключается в том, чтобы в случае моей смерти в бою он подобрал меня. Мы с Шином никогда не были равны. Не я спаситель. Я стала той, кто ищет этого спасения. Я не могу помочь Шину… Он не станет полагаться на меня. И даже сейчас, когда его что-то мучает. Так что… я ни за что…»

— …не позволю отдать их.

□

— Принято. Отряд «Остриё копья» и компания Малиновка – уходим с поля боя.

На полученный приказ Лены с командного центра на резервной базе Шин вздохнул. На оптический экран, как и всегда, проецировалось изображение мира, окрашенного в белый. С принятия решения прошло уже около полумесяца. Какая-то его часть не могла не думать о том, что он пытается сбежать от нее. Он полностью сосредоточился на приготовлениях к операции, прячась за ширмой сражений, и выполнении ежедневных задач. Все это он делал с целью отложить дело, которое должен решить.

Ему нужно было сделать то, к чему его разум не был готов – представить собственное будущее.

И хотя он понимал необходимость, спустя половину месяца у него не было даже представления о том, как это сделать. Он осознавал, что сейчас стоит на месте, но двинуться не мог.

В конце концов, у него не было цели. Он ничего не хотел. Никакого видения того, кем он хотел бы стать. Продолжая задавать себе одни и те же вопросы, он не мог ответить ни на один из них. Чувствовалась лишь пустота.

В его сердце разгоралась острая необходимость сделать с этим что-то. Осознав это чувство, нахлынувшие эмоции вновь велели ему начать двигаться.

«Тебе позволено желать.», — так она сказала.

И он хотел ответить ей на эти слова. Но в ответ он мог дать только пустоту…

— Ничего я не хочу, Лена, — прошептал он слова так тихо, чтобы они не были услышаны через парарейд или радиосвязь.

Лена говорила, что желала счастья для всех. Но в то же время…

— Что делать людям, кто не может чего-либо желать?..

Что делать тем, кто не может ответить на мольбу?..

Для баз на передовой в Объединенном королевстве было чем-то нормальным рисовать на стенах цветочные поля, будто устоявшаяся традиция.

— Серьезно, как тебе в голову приходят такие планы?

Ударная группа «восемьдесят шесть» находилась на резервной базе второго фронта Объединенного королевства. Ее окружали леса и горы, подпитываемые большой рекой. В противовес впечатлению словосочетанию «северные земли» Объединенное королевство славилось своим природным многообразием. Буквально повсюду можно было отловить ингредиенты для готовки еды.

Райден говорил с полностью набитым ртом, куда запихал рыбное рагу, подогретое на медленном огне для раскрытия полноты вкуса… Для непривыкших к запаху, блюдо могло показаться слишком ароматным. Впрочем, Лена улыбнулась.

— Когда я еще командовала отрядом Брисингамен во время крупномасштабного наступления мне приходилось сражаться, используя все, что у меня имелось. Хотя надо признать, я занимала немного… очень много времени у сна персонала.

Она старалась не думать о присланных Виком объектах и предметах, которые они собирались использовать.

Следом заговорил Сео, держащий в руках вилку:

— Кстати, я тут услышал, что Анжу и Крена будут действовать отдельно от остального отряда во время операции по захвату горы Драконий клык, из-за чего снайперское прикрытие вместе с силами наземного подавления перейдут к другим отрядам.

— Ну, вряд ли я полностью раскроюсь внутри вражеского замка, — ответила Анжу.

— А я уверена, что даже в тесном проеме смогу попасть в цель, — проворчала Крена.

Райден раздраженно вздохнул.

— Поэтому-то мы и используем ваши навыки для сокрушения врага.

— Объединенное королевство в этот раз не может одолжить нам войска для прикрытия… Вы вдвоем будете полезнее в уничтожении врагов с тыла, нежели просто пойдете с нами.

Услышав это от Шина, Крена тут же горделиво воссияла.

— Точно! Предоставь это мне!

— …Господи, девчушка, насколько же ты простодушна… — фыркнула Фредерика. — Надеюсь хоть, ты не попадешь в лапы какого-нибудь негодяя.

— Что ты там сказала?!

Крена вскочила на ноги, отбросив стул с грохотом. В то же время Шин, Райден и Сео переложили со своих подносов уникальные соленые грибы Объединенного королевства на поднос Фредерики.

— Э-э-э-эй! Чего вы вытворяете?!

— Фредерика-чан, ты зашла слишком далеко, — мягко произнесла Анжу.

— Хмпф! Ну как, получила? Шин, Райден и Сео на моей стороне, — сказала Крена, гордо выпятив грудь.

Однако, несмотря на скрытое за ее словами ребячество, изгибы женственного тела заставили Фредерику яростно зарычать. Лена тихо хихикнула, смотря на их перепалку. «Восемьдесят шесть» со времен битвы на базе Ревич пребывали в депрессии, но сейчас, кажется, стали приходить в норму.

Хотя, по правде говоря, ничего еще не разрешилось. И все же их внимание переключилось на

передовую базу – на поле боя. Шин и остальные процессоры вновь демонстрируют свои превосходные навыки. Будучи все еще юнцами, они в то же время были «восемьдесят шесть» – воинами, выживавшими годами в восемьдесят шестом секторе. Психологическая приспосабливаемость была способностью, которую они должны были приобрести.

— И дело не только в вас двоих. Арьергард и прикрепленный к Фрейе отряд также останутся позади…

Райдена оборвал буйный выкрик с соседнего столика:

— Ты знаешь, что делать, малыш Бог Смерти!

Он повернулся в ту сторону, а Шин просто проигнорировал этот голос. Лена взглянула на Шина, но тот не стал возвращать взгляд. Так происходило с тех пор, как они переехали на эту базу. Шин не разговаривал с ней ни о чем больше, кроме как рабочих вопросов. В раздумьях он смотрел вниз, не показывая виду, что заметил ее взгляд.

Когда в последний раз они нормально говорили? Прямо после большой конференции, в заснеженном саду под покровом звездного неба. Всего на мгновение, но на лице у него появилось выражение… озадаченного, потерянного дитя.

«Из-за чего, интересно?..»

— Отряд Шиден, да… Понятно, что основные силы Объединенного королевства понесли огромные потери, но достаточно ли этого будет для защиты штаба?

— Эй, малыш Бог Смерти! Не игнорируй меня! Я ведь знаю, что ты меня слышишь!

— Слышу, можешь не повторяться. Просто тихо сиди на своем месте и будь послушным сторожевым псом.

— Ха-ха-ха-ха! Да ты же признался, наконец! Ай, не переживай так, мой отряд не позволит даже пылинки коснуться Ее Величества. В отличие от тебя, малыш Бог Смерти!

Похоже, между ними вновь назрел бессмысленный спор. Смотря на их перепалку, губы Лены сами собой сложились в улыбке, заставив нарастающее беспокойство уйти на второй план.

«По крайней мере, сейчас…»

†

Принадлежащий королевской семье зал служил в качестве кабинета, но это все равно была база на передовой. Лерче вошла в покои, где было намного темнее, нежели в других помещениях дворца. Она обнаружила своего господина за чтением электронного документа, проецирующего в воздух.

— Ваше Высочество, скоро отбой, и Вам следует уже готовиться ко сну… Или, хотя бы, сделать перерыв. Я схожу за чаем.

— Да, спасибо… Только перед этим… Слушай.

Сняв очки, предназначенные для работы, ее господин тихо обратился к ней по имени:

— Лерче.

Говорил он своим будничным голосом, но Лерче поджала губы. Сирины могли только видеть и слышать, тогда как другие чувства у них отсутствовали. Также не было функции дыхания или пищеварения. Существовало лишь одно исключение – возможность менять выражение своего лица.

Вик пронзал ее холодными, фиолетовыми глазами. Лерче, казалось, понимала чувства тех, кто пытался оклеветать его и называл гадюкой. Когда он смотрел на человека этим взглядом, что-то нечеловеческое заставляло замереть. Хладнокровный, чарующий, черный змей. Императорские фиолетовые глаза словно заглядывали прямиком в душу, из-за чего становилось по-настоящему жутко.

— Что ты сказала Ноузену во время последней операции?

— …Да вроде ничего такого.

— Лжешь. Даже в последней битве он всячески избегал тебя. И он уж точно не из тех, кто оттолкнет вас только из-за того, что вы – птички смерти или механизированные куклы. А значит, избегает он не Сиринов, а тебя. Причина должна быть в сказанных тобою словах. Или я ошибаюсь?

Лерче оцепенела. Вопрос пришел от человека, подарившего ей сознание и цель. Она должна ответить. Будучи его созданием и той, кто стал его мечом, она не могла позволить себе не отвечать. Но…

— Ваше Высочество… Даже у меня есть то, что я бы хотела держать при себе.

«Я… единственная в своем роде Сирин с именем Лерче… просто неудача, не способная заменить девочку Лерченлид. Я могу быть сделанной из ее останков с желанием воссоздать ту девчонку, но в то же время всего лишь сосуд, в который не удалось захватить ее

существование.»

Несмотря на то, что Вик позволил ей оставаться рядом с ним в качестве личной гвардии, она не могла сказать те слова, что сказала Шину. Ведь заявить о невозможности достичь совместного счастья… означает, что Вик никогда не найдет собственного счастья, находясь рядом с ней.

Резервные копии нейросетей Сиринов и искусственных личностей хранились на производственной фабрике. Уничтоженных во время сражения Сиринов всегда можно было восстановить. Но только не Лерче. Ее структура мозга и искусственная личность не поддается копированию. Для нее не существовало запасных вариантов – лишь единственная версия разума Лерче и ее личности.

Лерче… была лишь сосудом для Лерченлид.

Но вызвано это не техническими ограничениями. Так захотел Вик. Лерченлид добровольно отдала свои останки для становления Сирин, но первопричина этого поступка лежала в желании Вика, ее господина. По крайней мере, это то, во что верил он сам. Поэтому, когда речь заходила исключительно о ней, он считал, что ее возрождение должно произойти только однажды. Если Лерче будет уничтожена, Вик позволит ее душе освободиться.

По этой причине она не могла сказать Вику, что назвала саму себя подделкой, не способной принести счастья тому, кто так дорожил Лерченлид. Ни за что.

Вик усмехнулся.

— Сам знаю. Я ведь не стал на программном уровне вводить обязательную директиву подчиняться моим приказам… Так что я прошу. Что именно ты сказала ему?

Он не приказывал ей ответить. Он просил это сделать.

Лицо Лерче исказилось в агонии. Сирины были оружием, и всем им была дана возможность менять выражения лица. Им было дарованы человеческие лица, голоса, глаза и кожа. То, что, собственно, никак не помогало в бою, но лишь замедляло их производство. Но несмотря на это, для этой возможности проводились исследования, чтобы точно воспроизвести эмоции на искусственных материалах.

В качестве основной идеи для Сиринов служило механическое тело, рожденное из желания юного Вика вернуть к жизни свою мертвую маму. Идея затем была переосмыслена для сражений и упрощена ради конвейерного производства.

И хотя они действительно являлись боевыми машинами… даже будучи бледной копией истинного человеческого облика… они все равно были куклами, которые могли бы заменить

ему мать или девушку, которую он полюбил. Эти куклы могли стать людьми.

И конечно, как их создатель, он не желал отправки их на поле боя и обращения, как к расходным материалам. Как она тогда могла отказать тому, кто проявляет к ним привязанность? Она должна ответить. Даже если ответ причинит ему боль.

— …Как пожелаете, Ваше Высочество.

†

— Кажется, пребывание здесь половину месяца заимело смысл. Нам удалось так много всего собрать.

Бригада обслуживания Регинлейвов ударной группы «восемьдесят шесть» состояла из множества человек из обслуживающего персонала «восемьдесят шесть». Сержант Гурен Акино и капрал Тоука Кейша, отвечающие за Могильщика, были из разряда таких людей.

— Я о чем вообще, Легион ведь не даст нам так просто переиспользовать их останки. Особенно это верно для боевых типов, наподобие Львов, которые тут же поджаривают центральные процессоры для защиты конфиденциальных данных. Только вот на деле к такой системе прожарки подключены лишь процессоры… что в теории дает нам возможность соорудить что-то из останков.

Бесконечная груда уничтоженных машин Легиона заполняла неиспользуемый ангар. Гурен, направив палец на металл, объяснял это Шину, пришедшему для получения отчета. У него были красноватые, потускневшие от солнца волосы, а также пара синих глаз с признаками язвительности.

Тоука, будучи чистокровной Сапфирой, имела развевающиеся золотистые волосы, не подходящие ее грубой одежде обслуживающей бригады. Заговорив, ее изящные черты лица просветлели от улыбки:

— Но сами-то технологии использовались еще до войны. Если уж Союз смог использовать их по назначению, то Легиону в принципе плевать на этот факт. Хотя нам это сильно помогает в операции наподобие предстоящей. По крайней мере, с нуля не надо ничего создавать.

Оба члена обслуживающей бригады размещались на той же базе, что и Шин в восемьдесят шестом секторе. Он достаточно часто наведывался к ним, поскольку постоянно ломал своего Джаггернаута, так что они даже спустя годы помнили его.

— Но знаешь, только подумать, что ты стал капитаном. Сопляк вырос до мужчины, а?

…Хотя начинали они с одного и того же места. Шина несколько раздражало обращение к нему,

как к ребенку. Гурен фыркнул на вернувшийся безмолвный взгляд Шина. Горечь проскользнула в его улыбке.

— Вырос-то вырос, а Регинлейвы ломаешь также, как и Джаггернауты в свое время. Смотря с этой позиции, ты ни капли не изменился.

Шин дважды моргнул на это заявление.

— …Не изменился?

Семь лет назад он находился на одной с Гуреном базе. В то время он винил себя за попытку Рея убить его. То же касалось и смертей товарищей… Где-то в глубине души он корил себя за это. Истина же была в том, что их всегда отправляли на наиболее опасные поля боя.

Но прошло уже много времени с тех пор, и он вырос. Изменился голос. Появились пережившие невзгоды войны товарищи. Он считал, что каждая его часть изменилась. Он верил в это. Но…

Получается, он не изменился? Он все такой же, как и тогда?

Гурен улыбнулся, не догадываясь о сомнениях Шина.

— Ага. Ты стал намного сильнее, да и надежнее, что ли… Но ныряешь в пучину опасности ты все также. Знаешь, я всегда задавался вопросом, а этот твой стиль ведения боя не происходит из желания умереть?

□

Шин покинул ангар, но слова Гурена все еще давили на него. Стоящая рядом Тоука ухмыльнулась, но не стала отрицать его слов.

Он правда не изменился? Нет, не за те последние две недели, когда он понял, что должен измениться… Но со времен восемьдесят шестого сектора?

— Шин.

Коридоры базы в Объединенном королевстве были запутанными и походили больше на лабиринт. Шин остановился на перекрестке и взглянул на окликнувшую его девушку – Крену.

Но прежде чем Шин понял, кто его позвал, он нахмурился и озадаченно уставился на нее.

— …И что это за вид?

— А?.. Кья!

Крена посмотрела вниз и румянец покрыл ее щеки. Шин, однако, не понимал причины внезапного смущения. Форма висела у нее на руке, а блузка сверху расстегнута. Его не то чтобы волновал этот вид, но задать этот вопрос он должен был, ведь по сути своей это было нарушением военного устава.

— Я, нет, э-э… Нет, ничего!

По какой-то причина Крена смутилась. Она замахала руками, и Шин на краю поля зрения уловил в ее хватке какой-то фиолетово-серебряный чокер.

…К слову об этом, кажется, Крена и Анжу должны были проверить вспомогательное оборудование, выделенное им на предстоящую миссию. Из-за чего-то никто не хотел объяснять, что из себя представляло это самое оборудование. Фредерика, Лена и, что более странно, Вик просто отказывались говорить прямо ему об этом. Однажды он задал этот вопрос Марселю, но тот побледнел и молча застыл на месте.

Крена вернула себе самообладание и продолжила:

— Забудь. Слушай… Шин, — произнесла она, взглянув на него золотистыми глазами. — Ты сейчас… напуган?

Шин прищурился.

«…Вот же ж. Я ведь пытался скрыть это ото всех… от Лены. Не хотелось мне, чтобы остальные беспокоились обо мне.»

□

Сердце сжалось от тяжести. Крена взглянула на Шина, нахмурившегося так, словно кто-то прикоснулся к ране. Такая реакция, вероятно, показывала, что он понял ее беспокойство. Он просто не мог принять то, что заставляет кого-то – в нынешней ситуации Крену – волноваться о нем.

«Он видит во мне… только проблемную сестренку, да?»

— …Прости. Тебя это сильно беспокоит? — спросил он.

— Нет-нет. Точнее, я не совсем это имела в виду. Я просто хотела сказать тебе кое-что.

Когда она заметила, что Шин напуган? Кажется, еще во время двухнедельных тренировок после возвращения на базу Объединенного королевства. Посреди сражения Крена проводила большую часть своего времени с Шином. В эти моменты она находилась ближе, чем Лена, и оказывала единственную возможную для нее помощь – снайперское прикрытие.

Она видела, что Шин был напуган. Он будто пытался уйти куда-то, только бы не находиться в этом месте. Словно на него что-то давило и заставляло поскорее убраться отсюда, даже если сам Шин не был в курсе, куда именно. В результате он так никуда и не ушел. Застрял на месте. А отсутствие прогресса лишь усилило его страх.

Но если бы он не знал о конечном своем пункте назначения, мысль куда-то свернуть и не пришла бы ему в голову.

—

— Э-э… Знаешь, если для тебя это тяжело, не нужно заставлять себя меняться.

На мгновение алые глаза Шина широко раскрылись. Крена посмотрела на него и продолжила:

— Все твердят нам не быть самим собою еще со времен нашего прибытия в Союз из восемьдесят шестого сектора. Но забрались-то мы так далеко только из-за того, что были теми, кем являемся сейчас, понимаешь? Думаю, все нормально, если мы и останемся такими.

И Крена только что поняла – она пыталась сказать ему не «Ты не должен меняться», а «Прошу, не меняйся». Ведь если они более не будут «восемьдесят шесть» и станут кем-то еще…

«Ты выберешь не поле боя… Не то место, где я могу быть с тобой.»

— Не нужно пытаться измениться, если ты сам этого не хочешь. И тогда боль с твоего лица также уйдет. Мне кажется, мы должны оставаться теми, кем являемся сейчас.

«Прошу тебя, не меняйся. Будь самим собой. Хотя нынешним нам не позволено делать выбор, но я все равно хочу сохранения наших текущих отношений – товарищи “восемьдесят шесть”, сражающихся и умирающих на одном поле боя.»

— Я правда не думаю, что тебе нужно меняться.

—

Шин оцепенел. Казалось, он что-то только что понял.

— …Да, у нас ведь до этого все получалось.

Пусть даже однажды силы покинут их, и они падут в битве, они зато будут знать, что сражались до самого конца. Таков был источник их гордости. Став людьми, что могут только желать о такой судьбе, выбранный путь все равно не будет ошибкой. Не было ничего постыдного в такой жизни и последующей смерти.

Так они выживали в восемьдесят шестом секторе – месте, где кишела смерть. Они цеплялись за свою гордость и не желали отбрасывать ее. Ошибки здесь не было. Но…

— Не то чтобы я хотел меняться. Это необходимость. Я просто понял, что должен о чем-то мечтать. И поэтому…

Ошибки в образе жизни не было. Они и дальше могли оставаться самим собой, если хотели жить по одному. Или же разделить жизнь с кем-то еще – например, с остальными «восемьдесят шесть». Но когда дело доходило до жизни рядом с кем-то, все рушилось. Подобный образ жизни ранил другого человека.

Шин отвернулся от отчаянных, цепких золотистых глаз, прекрасно понимая, насколько жестоки были его следующие слова.

— Мы не можем оставаться теми, кем являемся сейчас.

†

С Шином что-то не так. Лена пришла к такому выводу за последние несколько дней. Внешне все было нормально. Составление планов, подготовка, отчеты к предстоящей операции – все было исполнено идеально, а сам он был спокоен и собран, как всегда.

Но что-то беспокоило его. Она не могла смахнуть это чувство и понять, в чем именно крылась проблема. Поэтому Лена решила первой затронуть эту тему.

— Как думаешь, Шина сейчас что-то беспокоит?

— Я тут причем? Спроси его.

Райден сидел на небольшом диване с чашкой чая в одной руке; на лице у него было написано некое подобие раздражения. Он словно спрашивал: «Почему ты меня о таком спрашиваешь?»

Лена нахмурилась. Шин ни за что не стал бы ей отвечать, и именно по этой причине она обратилась к Райдену, самому близкому его другу. Задай этот вопрос Райден, Шин, быть может, ответил бы… Райден сразу станет отрицать это, но Шин рассказывает только ему о том,

чего никогда не скажет остальным. Лене это не совсем нравилось.

— А что насчет тебя, Шиден? Он говорил тебе что-нибудь?

— …Ваше Величество, ты с таким вопросом в стенку уперлась. Мы с малышом Богом Смерти что, закадычные друзья? Что-то мне подсказывает, что нет.

Она была права; при каждой встрече между ними всегда происходила перепалка, как у маленьких детей.

— «Чем чаще ссоры, тем крепче узы». Разве не так говорят?

— Не, такому не бывать. Мы с малышом Богом Смерти просто недолюбливаем друг друга. Мы подобны волку и тигру – естественные враги. Наша вражда в генах записана.

— …Волки и тигры не естественные враги, а тигр всегда будет сверху. Кто из вас кто?

Открыто проигнорировав выпад Райдена, Шиден запихнула в рот еще одну чайную пироженку и принялась громко пережевывать его.

— Так уж и быть, у меня есть нечто, что даже я могу тебе поведать. Говорить он ни с кем не будет, но ты, Ваше Величество, можешь приказать ему. Ты командующая, как-никак.

— Это…

Так оно и было. Если при выполнении операции у подчиненного появляются проблемы, которые могут повлиять на успех, ее долгом было спросить о них, либо приказать решить их. В случае, когда оба этих варианта недееспособны, она обязана отстранить его от предстоящей миссии.

— …Не этого я хочу.

Она хотела, чтобы Шин положился на нее как на друга, а не на командующую… Лена понуро опустила плечи.

□

Как бы то ни было, у командующей имелись свои обязанности.

— Шин, если что-либо беспокоит тебя, не мог бы ты рассказать мне?

— Чего ты так внезапно?

Лена не знала, как лучше всего подойти к этому разговору, поэтому решила сразу перейти к делу. В ответ Шин показал озадаченное лицо. Фредерика, оказавшаяся случайной свидетельницей, преувеличено вздохнула.

— В последнее время ты словно постоянно думаешь о чем-то. Я могу выслушать тебя или увеличить количество консультаций, если это будет нужно.

— А-а-а…

Лицо Шина на мгновение исказилось от боли.

Вскоре он подавил в себе эмоции и покачал головой.

— Это личное. Да и не беспокоит это меня.

— Но если это как-то повлияет на операцию…

— Кажется, во время боевых миссий я всегда отбрасывал подобные мысли… Или проблемы имели место?

Лена не могла вымолвить и слова. Правда была такова, что Шин выполнял все операции идеально. Но ей никак не удавалось избавиться от ощущения, что в его бледном, мужественном лице есть что-то неестественное и вымученное. Выглядел он таким же, как и всегда, но в то же время другим. Словно за этой стеной что-то колебалось, но перед Леной он должен был скрывать искренние чувства.

— Ну, нет, проблем особых не было, но…

Она не могла ничего ответить. Лена замолкла. Шин также погрузился с молчание. Фредерика безмолвно смотрела на них с сомнением на лице. Неловкое молчание затянулось, но внезапный стук в дверь прервал его. В кабинет заглянула Аннет. Она, Грета и остальная часть ударной группы прибыла сюда, поскольку нужно было покрыть нехватку рабочего персонала.

— Лена, вы надолго? Мне очень нужно одолжить капитана Ноузена. Ну, для того дела.

Лена растерянно кивнула, тогда как Шин вопросительно посмотрел на нее. Они уже обсуждали эту тему с Аннет, но она не была тем, о чем можно было говорить в присутствии других людей.

— Можешь обсудить все здесь.

Аннет криво улыбнулась.

— Да ладно тебе. Только представь, как он говорит мне, что провернуть это во время операции – невыполнимая задача. Ты правда хочешь, чтобы он говорил подобное перед командующей?.. Капитана это вряд ли волнует, так что он в любом случае скажет об этом, но не следует ли быть немного более осторожной?

Она была права.

— Да, конечно… Тогда прошу, капитан. И прости за беспокойство.

□

Покинув кабинет с Аннет, Шин вздохнул. Пусть это было не более чем совпадением, но его спасли. Его сильно поразил вопрос Лены о том, что его гложет. Он не хотел, чтобы она – все остальные люди – заметили, как с ним что-то происходит. Но, по-видимому, все было написано прямо на его лице.

В сознании вновь всплыло обеспокоенное лицо и волнение, передаваемое через похожий на звон серебряного колокольчика голос.

«Если что-либо беспокоит тебя, не мог бы ты рассказать мне?»

«…Но я не могу.»

Как ему вообще сказать, что никогда не сможет исполнить ее желание? Что несмотря на стремление изменить себя, он даже не знал, с чего начать? Что он не хочет быть бременем на ее плечах… Что он не хочет снова причинить ей боль?

□

— Вот как-то так. Что скажет на это наш капитан? Лена уже сказала мне не давать разрешение на исполнение, если ты посчитаешь, что это может сказаться на успехе операции.

— Вряд ли оно скажется, но…

Аннет привела Шина в один из шумных складов, наполненному боеприпасами и силовыми установками для предстоящей операции. Шин стоял возле угла и читал предоставленный ей электронный документ.

— Маневренность Регинлейва во время боя может спокойно навредить твоему непривыкшему

телу… Слишком большая нагрузка для небоевого персонала, майор Пенроуз.

Аннет пожала плечами.

— А вот Фредерика смогла оседлать Регинлейва, разве нет? Если уж ребенок смог, не вижу причины, почему я не смогу.

— …Понял. Я найду подходящий для тебя. Рекомендую также ознакомиться с ним заранее, майор. Если желаешь, могу еще организовать несколько тренировочных занятий.

— Спасибо. Позаботься обо мне, — ответила она. Затем Аннет решила подразнить его. — Хотя я уже знала, что ты примешь мое предложение. Ты всегда, когда я просила о чем-то столь нелепом, почти сразу сдавался.

Она говорила это, понимая, что Шин не помнит их прошлое. А если и помнил, то лишь что-то незначительное. По крайней мере, отвечал он либо «Я не помню», либо короткое «Наверное». В этот раз она ожидала похожего, но Шин почему-то молчал.

— …Капитан?

— Я не…

Шин отвернулся, отказываясь встречаться с ней взглядом.

— …стал бы действительно соглашаться, спроси ты о чем-то нелепом… Рита.

Аннет удивилась, но в следующее мгновение ее брови опустились, а на губах взыграла томительная улыбка.

— Так я не просто майор Пенроуз, да?

Рита. Так Шин обращался к ней до отправки в лагерь для интернированных. Ее родители уже покинули этот мир – через суицид и во время крупномасштабного наступления, и она никогда не говорила Лене об этом прозвище. Узнав о потере воспоминаний Шина, она уже не думала, что кто-либо вновь обратится к ней по прозвищу.

— Ты вспомнил обо мне?

— Не все. Чувство, словно мне еще многое нужно вспомнить, но…

Шин коротко выдохнул.

— Но правда такова, что я не терял эти воспоминания. Так что мне следует извиниться за то, что не могу вспомнить.

— Все нормально. Это не твоя вина… Ведь вспомни ты все, извиняться пришлось бы уже мне.

Внезапно почувствовав на себе чей-то взгляд, они оба повернулись в ту сторону – в тени одного контейнера скрывался Файд. Аннет прогнала его взмахом руки. Падальщик не мог проявлять эмоций, но его большие, круглые оптические сенсоры, казалось, с беспокойством смотрели на Шина. Милое зрелище, надо сказать.

К слову, Шин давным-давно уже давал имя Файд своей собаке. Казалось, он не торопился придумывать новые имена и делал все максимально просто.

Аннет не знала, когда именно Шин вспомнил о ней, но, вероятно, тот искал подходящего момента, чтобы рассказать ей. Лена беспокоилась из-за того, что Шина мучило что-то, но его поведение, скорее всего, связано с изменением психологического состояния.

Точно, Лена. Сейчас Аннет не была другом детства человека, стоящего рядом с ней… а другом Лены.

— О, кстати, о произошедшем ранее. Я хоть и не буду вмешиваться, что будет сильно меня раздражать, но не заставляй Лену волноваться. Твое странное поведение давит на нее уже несколько дней. Для разговора с тобой на эту тему ей пришлось набраться смелости, так что хотя бы выслушай ее, ладно?

— …

Аннет поняла, что эта его привычка помалкивать в неудобные моменты не претерпела никаких изменений. Прошло уже десять лет, а он продолжает вести себя, как маленький ребенок.

Хотя связано это, наверное, с тем, что он все еще был ребенком. Шин, будучи «восемьдесят шесть», провел пять лет на поле боя, где его ждала единственная судьба – смерть. У него не должно было быть будущего, поэтому и думать не приходилось о том, что произойдет дальше, после взросления.

Он не мог просто задуматься над тем, о чем никогда не размышлял. Первыми в восемьдесят шестом секторе почили взрослые, и остались только дети. Не было ни родителей, ни учителей или родственников, которые могли бы послужить примером для них.

И тогда Аннет поняла.

«А это… очень хреново.»

Не знать, куда ступаешь. Продолжать жить, не имея собственных желаний…

— Надеюсь, я просто слишком много думаю об этом, но… Тебя, случайно, беспокоит не…

Внезапно кроваво-красные глаза стали холоднее. Аннет впервые наблюдала за подобным изменением в поведении Шина, поэтому нервно сглотнула:

— …Легион?

— Ага… Прости. Сейчас будет развернут мой отряд.

Значит, ему следует идти.

— Понимаю. Будь осторожен.

Хотя после ухода Шина прошло уже несколько минут, неловкая атмосфера тишины все еще оставалась висеть в воздухе. Молчавшая все это время Фредерика первой решила заговорить:

— …Спешка ни к чему хорошему не приведет.

Лена повернулась в ее сторону, но заметила, что кроваво-красные глаза Фредерики смотрели не на нее; они отслеживали Шина через толстую бетонную стену.

— Шин’эй не столь силен, как ты думаешь. Он не может даже понять себя… Уже давно его гложут сомнения. Если начать давить на него, это быстро загонит его в угол…

— ?..

Шин… не столь силен?

— Не может…

— Ты ведь должна помнить ту встречу с Шин’эем.

Лена моргнула. Встречу?

«Может, возле мемориала Джаггернаута? Нет…»

— После сражения с Морфо? Ее ты имеешь в виду?

— Да. Подумай, каким он тогда был. Как… действовал. Таков на тот момент был Шин’эй. И эту часть себя он никогда не хотел показывать тебе.

Она вспомнила голос, разносящийся по полю брани на усеянном цветками ликориса участке. Тогда он говорил с…

Внезапно в малом кабинете раздался пронзительный сигнал.

— А это что такое?! — воскликнула Фредерика.

— Тревога!..

На сегодня не было запланировано никакой охоты, но несколько отрядов были развернуты в зонах конфликта для создания отвлекающих маневров согласно плану. Поэтому один из отрядов…

— Они попали под контратаку Легиона, из-за чего вынуждены были отступить!..

Когда Шин прибыл в ангар, отряд «Остриё копья» был уже почти полностью в сборе. Он последовал за алыми волосами Крены, которая помчалась в комнату ожидания и позвала Гурена. На случай внезапного происшествия у них были заготовлены войска, но численность врага слишком превосходила. У них не хватит огневой мощи для сдерживания линии обороны, чтобы союзники смогли безопасно отступить.

— Гурен, наш отряд пойдет… Все готово?

— Конечно. Разве числился бы я в бригаде обслуживания, забывая про ремонт агрегатов во время разборки останков Легиона?

Повернувшись, Шин зацепился взглядом за Тоуку, которая слезала с Могильщика после загрузки боеприпасов. В ряд также выстроились Файд и остальные падальщики, пока их нагружали запасными силовыми установками, магазинами и специфичным для каждого агрегата вооружением.

— Там метель снаружи… Будьте осторожны.

— Будем.

Шин кивнул и начал идти. На короткое мгновение он снял с себя шарф, чтобы прицепить рейд-устройство. Вновь обернув шарф вокруг шеи, он активировал синхронизацию. В ударной группе не было так уж много офицеров, поэтому часто случались ситуации, когда штабным часто давали привилегии командовать отрядом. Шин, однако, не стал сразу звать командующего, вместо этого слушал и вникал в ситуацию.

Все было очень плохо. Передачи членов отрядов шли друг за другом, голоса постоянно прерывали друг друга.

«Второй взвод изолирован.»

«Кончились боеприпасы!»

«Бежать некуда!»

«Запрашиваем помощь…»

«Младший лейтенант Ирина Миса – погибла в бою.»

Шин припомнил лицо женщины, служившей вице-капитаном Рито в отряде Клеймор. Она была его полной противоположностью – послушной и смиренной. Она, как и Рито, также была причислена к тому же отряду, что и Шин, в восемьдесят шестом секторе, пока его не перевели в другой. Ирина провела с Рито все время, вплоть до крупномасштабного наступления.

Шин также вспомнил скромную улыбку и те немногие моменты разговоров, которые у них случались. Но заточенный разум уже приготовился к битве, поэтому эмоций эти воспоминания не вызывали. Он отогнал мысли в самый дальний уголок сознания.

Нет нужды в эмоциях. Так говорил его остро заточенный, словно лезвие, разум. Приготовившись уже открыть дверь в конференц-зал, он услышал со стороны, как его окликнули:

— Шин.

Это была Лена, пытавшаяся отдышаться. На ее шее также имелось рейд-устройство, и, будучи тактическим командиром, она наверняка слышала весть о смерти. Какое-то мгновение в ее глазах виднелась печаль, но затем она подавила в себе это чувство.

— Мы начнем сразу, как все соберутся. Это не займет много времени, так что скоро ты сможешь выдвинуться.

— Понял.

Открыв дверь, он сначала позволил Лене войти первой. Члены отряда уже собрались внутри. На фоне шума можно было услышать также нервные шаги и голоса тех, кто немного припозднился.

Шин смотрел на струящиеся серебряные волосы и вдруг понял – Лена была опечалена. Слова и поведение никак не выдавали этого, потому что она подавила в себе это чувство из-за долга командующей. Но смерть Ирины слишком ударила по ней.

А сам Шин ничего подобного не чувствовал. Да, его разум переключился на подготовку к битве на поле боя, где не было времени горевать над смертью друга. Грусть следовала после окончания битвы, ведь иначе за мертвым товарищем можно было и самому угодить в могилу. Шин прекрасно это понимал, сражаясь вот уже семь лет.

И все же для них, «восемьдесят шесть», смерть была нечто большим – образом жизни. Естественно, все они погибнут. Каждый из них… Даже Шин. Какая-то его часть искренне в это верила…

По его телу вдруг пробежала дрожь. Он мог видеть себя лишь как монстра. Монстра, одиноко гуляющего по тропе войны, вымощенной трупами товарищей. Только монстр способен принять смерть, как нечто само собой разумеющееся.

Казалось, он наконец понял, что такой образ жизни невозможен. Что нельзя жить… с мыслью о том, что завтра можно погибнуть, постоянно мчась навстречу своей смерти через горы трупов. Он думал, что может надеяться на будущее, пусть даже представить его у него не получалось.

Но вдруг его кто-то схватил за руку. И как бы он не пытался пойти вперед, хватка становилась все крепче. Обернувшись, он столкнулся с самим собой – юным Шином с тех времен, когда его голос еще не надломился. Этот Шин только ступил в восемьдесят шестой сектор, и только начали называть Богом Смерти из-за погибели всех, кто его окружал.

Юный Шин улыбнулся. В конце концов…

«Лучше уж мне жить, думая о последнем прожитом дне. Принять смерть, как образ жизни “восемьдесят шесть”. Мне не следует думать о будущем. У меня никогда и… не было никакого будущего.»

«И с тобой тоже самое. Стремись по тропе смерти восемьдесят шестого сектора, вымощенной из трупов…»

«…одержимый смертью монстр.»

— !..

Он солгал себе, что ввергло его в отчаяние. Но и эта эмоция в следующую секунду была отброшена. Сознание, привыкшее к сражениям, сделало это само. Больше механического, чем человеческого.

Он не мог не сопоставлять себя с «восемьдесят шесть» не из-за неспособности откинуть свою гордость. Часть его желала такую судьбу – погибнуть в определенный момент…

Как и говорил Гурен, снаружи бушевала метель. Началась она, судя по всему, еще перед рассветом. Белая вуаль ухудшала видимость через оптические экраны. Это было верно также для системы наведения и лазерных указателей. Но Легион оказался в тех же условиях. Отрядом «Остриё копья» командовал Шин, способный определять местоположение врагов, не опираясь на зрение. Если смотреть с этой точки зрения, у них даже имелось преимущество.

Горный ветер время от времени приносил с собой еще больше снега, а впереди начал виднеться хвойный лес, похожий на черную тень посреди белого света. Ветер не будет так сильно влиять на них, если они пройдут через лес.

Могильщик Шина осторожно вел за собой отряд «Остриё копья» по укутанному во мрак пути. В таком климате снег хрустел при передвижении по нему. Призрачные стенания стали громче и предупредили Шина о проникновении в зону боевых действий.

Он проверил экран радара, где имелось всего несколько синих точек, обозначающих союзников, чтобы затем произнести:

— Рито.

Синхронизация активировалась. Это подтверждало, что вызываемый человек не был мертв или без сознания, но ответ от Рито пришел поздно настолько, что вызывало опасение. Его словно парализовал страх, из-за чего голос не слушался его.

— Кэп…

Этот голос… Шин слышал его постоянно на поле боя. Дрожащий голос охваченного страхом человека, который увидел чью-то смерть или когда на разум наваливались мысли о собственной кончине.

— Кэп, я… не могу так. Не могу как Сирины. Не хочу такой конец, я…

Шин заглянул в кабину его агрегата. Рито все еще был озабочен тем событием. Образ несущихся на встречу бессмысленной смерти девушек, горделиво смеющихся, будто отражал конечный пункт назначения «восемьдесят шесть». Этот образ внушал им, что их гордость

ничего не значила. Появились сомнения в единственном аспекте, в который он должен был верить.

— Рито, отступай… Собери всех, кто смог выжить, и убирайся из опасной зоны, — холодно произнес Шин.

Он как бы говорил ему, что тот не может сражаться в таком состоянии. На поле боя не было места для тех, чей дух сломил страх смерти и безумие войны, для тех, кто начал сомневаться в себе. Если Рито не послушает его, остальные процессоры в отряде погибнут вместе с ним самим.

— …П-понял.

— Шиден идет с тыла… Перегруппируйся с отрядом Брисингамен.

Рито как-то кивнул в ответ и со своей группой принялся отступать. Шин же ступил вперед, словно меняясь с ним местами. Затем он переключил цель синхронизации на своих товарищей.

— Всем членам отряда «Остриё копья» – мы вступаем в бой. Ожидаем Волков и Быков. Каждый тип машин занимает примерно группу с батальон. А еще…

Он прищурился, уловив с такого расстояния леденящий душу крик, который больше походил на выстрелы из пушек. Это был сигнал, оповещающий о мертвецах, чьи нейронные сети ассимилировал Легион: черные овцы и модернизированная их версия – гончие.

А еще один голос звучал громче и четче, служа в роли командующего призрачной армией. Используя мозги только что погибших, они сохраняли в некоторой степени их интеллект, знания и воспоминания.

— …А еще там пастух. Динозавр, скорее всего.

□

Динозавры – стальные чудища с огромной огневой мощью и невероятной броней, которых Легион поставил на конвейерное производство. Отряд Шина, сохраняя определенную дистанцию между агрегатами, продвигался по снежному лесу. Они нацелились на этого сильного врага и осторожно продвигались по бугристой местности, где для массивного корпуса не хватало свободы передвижения.

В один момент толстый слой снега, навалившегося на большую скалу, неестественно съехал вниз. Большая тень вынырнула из бледной россыпи, явив свой огромный, металлический силуэт.

Он буквально вдавливал снег под собой. Несмотря на высоту в четыре метра и вес около тысячи тонн, массивная фигура передвигалась в уникальной для Легиона тишине. Вдруг он рванул с места, несясь прямо на фланг Могильщика.

«Попался.»

— Огонь!

Ранее все уже были предупреждены о местоположении Динозавра, и поэтому тут же открыли огонь. Шин уклонился от несущегося на него Динозавра, а в следующее мгновение посыпался шквал из подкалиберных снарядов.

Шин понимал, что враг собирается преследовать Могильщика, поэтому он использовал себя в качестве приманки. Тем не менее реакция Легиона позволила пастуху избежать контратаки. Большой силуэт подпрыгнул в воздух и приземлился, подняв клубы белого снега. Хвойные деревья с грохотом разлетелись в щепки.

Динозавр развернул два тяжелых пулемета на башне, каждый из которых навелся на свою цель. 155-мм пушка и второстепенное вооружение целились в разные места. Джаггернауты отреагировали мгновенно и разбежались кто-куда, избегая линии огня. Шин двинул Могильщика, продолжая смотреть на металлическое чудище. Он пытался загнать своего Джаггернаута в слепое пятно Динозавра, согласно выбранной тактике.

«Но то, как он действует…»

Динозавр, казалось, знал о действиях Шина и членов его отряда. Объединенное королевство и Союз использовали фердресы, но за каждой страной закреплялся свой концепт. Следовательно, отличались и их фюзеляжи, и используемые стратегии.

Барушка Матушка использовалась для подавления противника высокой огневой мощью своей 125-мм пушкой с высокоточной системой управления оружием. Регинлейв, напротив, специализировался на ведении высокоманевренных сражений. Даже если развернуть их на одном поле боя, позиционирование и стратегии для каждого из них будут разными.

К тому же сейчас они находились на поле боя Объединенного королевства, поэтому Легион принимал меры для эффективного противодействия именно Барушки Матушке. И все же Динозавру перед ними как-то удавалось читать действия отряда «Остриё копья» и их Регинлейвов.

Значило это одно…

— «Восемьдесят шесть»…

— Похоже на то, — пришел быстрый ответ от Шина на бормотание Райдена.

О тактиках отряда «Остриё копья», состоящего из «восемьдесят шесть», больше всего знали остальные «восемьдесят шесть» – самые опытные в сражениях среди соседних стран, и их превратили в черных овец и пастухов.

Более того…

Шин прищурился. Этот вой Динозавра…

Голос…

…был ему знаком. Некто, кто сражался на его стороне в восемьдесят шестом секторе некоторое время. Произносимые призраком слова не находили отклик в сознании Шина, так что этот кто-то погиб не на его глазах, но…

— Спаси нас.

Кайе, некогда желавшая что-то похожее, уже не стало. Большинство черных овец теперь считались ненужными и заменялись на более эффективных гончих. Значит, превращенная в черную овцу Кайе также списали. Но оставались еще те, кто до сих пор был заперт в ловушке – пастухи.

«Я всех их верну. Я обещал, что возьму их с собой. И это обещание… есть то, в чем я не должен сомневаться.»

— Райден… Я возьму его на себя. Как обычно, расправься со всеми вокруг, возьми командование на себя и прикрывай меня.

Райден, однако, ответил с сомнением в голосе:

— Постой, разве мы не должны прикрывать остальных во время отступления? Нам нужно сдерживать позиции до тех пор, пока отряд Рито не будет в безопасности, а значит достаточно будет только сдержать Легион. Нет необходимости в его уничтожении.

— Там «восемьдесят шесть»… Я хочу вернуть его.

Райден ответил не сразу.

— …Понял. Но не делай ничего безумного. Я скажу отряду прикрывать тебя.

—

— Опять он хочет в одиночку разобраться с Динозавром, — горько прошептала Фредерика, уставившись на карту, где показывалась битва между Могильщиком и Динозавром в нескольких километрах отсюда.

Лена почувствовала страх в шепоте Фредерики и посмотрела на нее. Легион во всех аспектах превосходил людей. Но даже среди машин Динозавр считался самой сильной единицей. Пилотирующий фердрес не мог надеяться на победу против него.

Шин решил, что против слабых мест Динозавра и Льва нужно использовать оружие ближнего боя. Лена не могла что-либо противопоставлять этой логике. Да, у нее был опыт в командовании, но не в столкновении лицом к лицу с Легионом. Она не могла сомневаться в решениях Шина, пережившего семь лет смертельных битв.

Но беспокойство все никак не покидало ее. Она слышала окрики других процессоров из его отряда: «Ноузен, да выдержи ты дистанцию», «Мы не можем помочь тебе огнем, когда ты так близко», «Отступи хоть немного, прошу».

Только вот Шин не отвечал.

Он слишком сосредоточился на сражении. Такое уже происходило во время битвы с Фениксом в подземном вокзале… И в битве против Динозавра, одержимого призраком его брата, Реем.

Лена пугалась такой перемены. Он словно нарочно балансировал на краю между жизнью и смертью… И однажды он падет и никогда больше не вернется.

— …Шин.

У него всегда имелись силы сражаться и выживать. Но в последнее время…

— С тобой правда все нормально?..

—

Передняя броня противника могла выдержать выстрел в упор из 155-мм гладкоствольной пушки. И речи быть не могло, чтобы 88-мм пушка Регинлейва пробила ее. Вжимая снег и идя по заледенелой поверхности, массивная фигура косила попадающиеся на пути деревья и неслась на Шина.

Шин безумными маневрами уводил Могильщика, используя различные скалы, выступы и… даже ближайшие хвойные деревья. Попутно он пытался сделать выстрел по самой тонкой

части брони.

Этот определенно был из «восемьдесят шесть». Он продолжал мчаться через хвойный лес, казавшийся непригодным для Динозавра, но несмотря на кажущиеся нелепые движения, он тщательно следил за своим позиционированием и не раскрывал тыльную броню. Тот точно знал о легковесности Джаггернаутов и устоявшейся тактики, суть которой заключалась в стрельбе сверху по незащищенному месту.

Победить его будет достаточно тяжело.

Но даже если 88-мм пушка могла пробить все, кроме передней брони, а копры Регинлейва можно использовать против верхней, Шину все равно требуется двигаться на чрезвычайной скорости. Она должна быть настолько большой, что повредит всякому, кто не является привыкшему к таким нагрузкам процессором.

Но несмотря на сложность, Регинлейв умудрялся выходить победителем. По крайней мере, эту битву и рядом нельзя поставить с той, где он сражался со своим братом в алюминиевом гробу.

Вот только два вращающихся пулемета раздражали, ведь они постоянно выплевывали шквал пуль. Он выпустил кумулятивные снаряды с установленным неконтактным взрывателем и снес их. Затем он аккуратно приблизился к Динозавру и срубил одну из ног, что поддерживали тысячу тонн.

Шин нутром почуял приближающуюся контратаку. Даже не смотря в сторону опасности, он уклонился от удара копьеобразной ноги. Он уклонился и от второго, и даже от третьего выпада небольшими прыжками, но в какой-то момент задняя правая нога его агрегата погрязла в замершем снегу.

— Тц!..

Могильщик застрял. Нога оказалась в плену снега. Казалось, даже время в такой момент замерзло. Наблюдая за поворачивающейся в его сторону 155-мм пушкой, он запустил механизм отстрела ноги. Порох сдетонировал, высвободив его от снега. Наконец, воспользовавшись оставшимися тремя ногами он молниеносно отпрыгнул влево и ушел с линии огня.

Рев от выстрела и ударная волна настигли броню Могильщика. Основной пушке Динозавра требовалось какое-то время для перезарядки, второстепенное вооружение, установленное слева от главной башни, не могло прицелиться с такого положения, а оба пулемета были уничтожены.

Сейчас Шин мог стрелять, не опасаясь контратаки в ответ. Прицел лежал ровно на противнике, палец начал сжимать пусковой триггер 88-мм пушки…

И внезапно раздалась тревога – повреждение сустава у задней правой ноги.

Пронзительный сигнал для предупреждения процессоров вернул Шина обратно в реальность. Осознав произошедшее, его глаза широко раскрылись. Только что он вновь становился боевой машиной… одержимым смертью монстром.

Словно монстр, рыскающий на поле боя в поисках смерти, он просто забыл об обещании вернуться живым…

Однако осознание этого заставило его раскрыться. Звучащий в ушах пронзительный сигнал позволил врагу подобраться к нему. Огромный Динозавр, на таком расстоянии заполонивший весь оптический экран, замахнулся ногой подобно оружию.

— !..

Инстинкты велели ему дернуть на себя рычаг управления, заставляя Могильщика отпрыгнуть. Уже слишком поздно для уклонения, но рефлексы на автоматизме попытались минимизировать последствия от удара. Две ноги оторвались от земли, а следом последовал толчок. Для блокирования удара он также поднял одну из ног Могильщика, но в ушах тут же раздался скрежет металла. Система управления начала верещать.

И сознание Шина погрузилось во мрак.

□

— А?..

Что там произошло?

Лена не сразу поняла, что увидела на главном экране Фрейи. Она не могла даже поверить в это. Произошло не просто то, чего она не ожидала, но то, что выходило за пределы ее понимания.

Метку Могильщика снесло с места, где она находилась всего мгновение назад. И в этом движении не было намерения самого процессора, потому что прежде чем остановиться, он прокатился по земле, словно брошенный мусор. Несмотря на приближение противника, тот продолжал беспомощно валяться на земле.

Шин просто… принял удар?..

Оборотень и Смеющийся лис встали на пути Динозавра. Они стали стрелять по нему, чтобы привлечь внимание. Легион был запрограммирован отдавать приоритет наиболее опасным

целям. После отвлекающего маневра остальные Джаггернауты поспешили к Могильщику.

Его метка до сих пор оставалась на экране. Сигнал не исчезал, так что полностью уничтоженным он быть не мог. Но и движения не наблюдалось. Связаться через парарейд также не получалось.

— Почему же он не… — простонал Марсель.

Лена задавалась тем же вопросом. Он мог уклониться. Нет, он должен был уклониться. Она знала, ведь много раз видела его на тренировках и в реальных битвах. Регинлейв мог двигаться со скоростью, что запросто причиняла вред телу пилота, но Шин справлялся.

Более того, на протяжении пяти долгих лет он управлял металлическим гробом, не способным выдержать даже шквал пулеметов, и все же ему как-то удавалось прорываться в стан врага и уничтожать их оружием ближнего боя. Он выжил, пройдя через восемьдесят шестой сектор.

Он никогда бы не принял на себя прямой удар от машины Легиона, даже будь это пастух.

Так… почему?

Оцепенение Лены не продлилось и секунды. Она повернулась к одному из офицеров. Регинлейв оснащался множеством систем, которых у Джаггернаута – «беспилотника» – не было.

— Жизненные показатели?!

— Уже получили. Пульс, давление, дыхание – в пределах допустимых значений. Но на сигналы он не реагирует.

Лицо Фредерики побледнело от страха; ее алые глаза сверкнули, что означало доказательство активации способности.

— Серьезных травм, похоже, нет. Думаю, он сейчас без сознания. Райден и остальные пытаются до него достучаться, но безуспешно.

— Поторопитесь и вытащите его! Шиден, выведи отряд Брисингамен и обеспечьте прикрытие!

†

В независимости от культуры и страны больничные палаты всегда окрашивались в стерильный белый цвет. Открыв глаза, Шин запечатлел во все еще затуманенном сознании непривычный, но в то же время знакомый белый потолок. Помещения в таких местах должны были быть

стерильными, а на белом фоне грязь заметить проще простого.

Поняв, что разум заполонили ничего не значащие мысли, Шин оперся руками и привстал. Он почувствовал что-то неприятное, словно что-то прилипло к нему, и поднес руку ко лбу. Пальцы нащупали сухую ленту для фиксации марли. Судя по всему, над левом глазом рядом со шрамом появился еще один порез.

Тот шрам он получил в битве против своего брата. Тогда они глубоко зашли на территории Легиона, где на горизонте даже намека на больничное сооружение не было. Как следствие, ранение зашивалось любителем, и на его месте возник шрам.

В тот раз он также сражался с Динозавром, который стал пастухом, но… В яростном сражении он не смел отводить взгляд от массивной фигуры противника. Шин не смог сдержать прорастающее в сердце отчаяние и крепко стиснул зубы. Пальцы впились в кожу.

Такого раньше не происходило. Никогда ранее он не терял концентрацию из-за давящего на разум вопроса и не позволял врагу победить его.

Шин вдруг услышал шуршание военной формы за тонкой занавеской… Кто-то, сидевший возле, проснулся.

— О? Так ты наконец очухался?

Слова достигли его ушей, и тут же занавес распахнулся. Яркий свет больно ударил по глазам, что из-за закрытых век привыкли к темноте. Шин рефлекторно сощурился, но смог разглядеть пару уставившихся на него глаз, окрашенные в причудливые цвета – темного индиго и белого, словно снег.

Владелица этих глаз буднично помахала ему рукой. У нее была загорелая кожа и растрепанные алые волосы.

— Йо.

— …Чего ты тут делаешь? — спросил Шин.

Шиден усмехнулась, не обращая никакого внимания на его недовольство.

— А ты кого ожидал, а? Хе-е, ты еще у нас неблагодарный, малыш Бог Смерти? Райден сейчас занимается отчетами вместо тебя, Ее Величество подчищает за тобой, а я сейчас здесь, смотрю за твоим состоянием… И к слову, знай, что это я вытащила тебя с поля боя.

— …

Он начал осматриваться и понял, что находится в госпитале на базе, в палате для легкораненых больных, не нуждающихся в реанимации. Бронированной формы на нем уже не было, ведь она наверняка мешала, а запасная одежда лежала рядом на столе. Шин заметил на том же месте бледно-синюю ткань, и руки сами потянулись к шее. Конечно, шарфа там не было – его также сняли во время лечения.

Взгляд Шиден зацепился за шрам, но она не стала заострять на нем внимание.

— Докторишка сказал, что с головой у тебя все нормально, просто потеря сознания. Но они хотят положить тебя на денек другой для безопасности. Пару швов наложить все же пришлось.

Пальцем она показательно указала на лоб, а после улыбка исчезла с ее губ.

— Помнишь о случившемся?

— Так или иначе.

Он помнил настолько хорошо, что хотел забыть.

— …С Динозавром разобрались?

— Ты решил первым делом спросить о нем?.. Ну-у, это пастух, да и еще «восемьдесят шесть»… Грустно, конечно, но ему удалось улизнуть. Хотя цель нашей вылазки в любом случае не заключалась в его уничтожении.

— Что с моим Джаггернаутом?

— Каким-то образом починить его смогут… Но знаешь, тот механик… Э-э-э, как там его, Гурен? Он орал что-то про кровавую расправу при встрече, так что обязательно наведайся к нему. А еще он сказал о твоей незрелости, раз до сих пор доводишь свои агрегаты до такого состояния.

— Ага…

Тем прыжком ему удалось погасить большую часть удара, но его партнер все равно получил прямой удар от Динозавра. Удача, что его вообще можно было починить, учитывая полученные повреждения.

— Он прав. Я вновь прибавил ему работы.

Шиден взглянула на него из-под полуоткрытых век.

— Ты сейчас пытаешься сказать, что все понял? Плевать им на поломку твоего агрегата, они о тебе беспокоятся, кретин.

По возвращению Шина немедленно отправили в больницу, тогда как поломанного Могильщика доставили в ангар. Удивление Гурена было вполне естественно, ведь он видел искореженного Могильщика, но не Шина.

— …Поверить не могу, что ты мог совершить столь глупую ошибку… Ответь-ка…

Сидя на складном стуле, она наклонилась телом вперед. Теперь в глазах Шиден не было и следа от веселья. Излучающий холод взгляд выжива̀вшего годы в восемьдесят шестом секторе – пусть и меньше, чем Шин.

— …с тобой все нормально?

— …

Шин посмотрел вниз, отказываясь встречаться с ней взглядом. Ответ ясен и без слов.

Нет, не нормально.

Он не знал, к какому будущему следует стремиться и что желать. Сколько бы времени он не мучался над ответом, никакое желание не приходило ему в голову. Или хоть чего-нибудь, что заполнило бы пустоту внутри него. Он понимал, что не может больше мчаться только вперед навстречу смерти, но в то же время ощущал себя одержимым смертью, что окружала его. Шин думал, что смотрит в лицо самой смерти, но это был всего-навсего предлог, из-за которого можно было не желать будущего.

И теперь он не мог отбросить все переживания во время боя, хотя у него всегда это выходило само собой. Он мог забыть обо всем на свете, но теперь эти терзания не отпускали его. Появились сомнения в себе. Больше не было возможности сказать, что у него нет никаких проблем.

— Это же не только из-за случившегося в цитадели, да?.. Зрелище отвратительное, не спорю. Напоминает ждущий нас, «восемьдесят шесть», конец. Но сейчас думать об этом не стоит. Бессмысленное занятие. По крайней мере, сейчас, — Шиден сузила глаза разных цветов. — Я тебе вот что хочу сказать: теперешнего тебя нельзя допускать к предстоящей операции, как командующего. Я попрошу Лену перевести тебя в штаб. Из-за способности тебе все равно придется командовать, но хотя бы с расстояния… Помнишь, что ты говорил Рито? Не можешь сосредоточиться на битве, потянешь всех на дно.

— Знаю, — ответил Шин.

Она права… Сказанные им слова Рито теперь обернулись против него. Шиден усмехнулась.

— Хмпф, в какой же ты жопе оказался… В ответ мне даже сказать ничего не можешь… Ладно, отдохни тут пару дней и не думай ни над чем. Лена, кстати, истерит из-за тебя, так что уладь с ней все… Ой…

Внезапно они услышали торопливое постукивание каблуков. Кто-то быстро приближался к ним в палату.

— Шиден! Они сказали, Шин пробудился!..

Лена завалилась внутрь, совершенно позабыв о достоинстве и манерах леди, чтобы затем остановиться при виде Шина. На мгновение на ее щеках проступил румянец, потому что она впервые увидела того без формы и в одной майке, но помотав головой, ей удалось стряхнуть с себя подобные мысли. В серебряных глазах проявились слезы.

— Шин… Как хорошо, что ты…

Ее взгляд болезненно застыл при виде бинтов. Шин вдруг понял, что она также видит шрам на шее, поскольку шарф сняли вместе с военной формой.

Он поспешно поднял руку к шее в попытке прикрыть его. Он не говорил Лене о брате, оставившего шрам, да и не собирался вовсе. Шин не хотел, чтобы она видела его. Этот жест не остался без внимания Лены и у нее перехватило дыхание. Шин же все это время не поднимал взгляд и не заметил проступившее печальное выражение ее лица.

— Твои раны…

— На лбу только порез. Больше ничего такого.

Он мог бы сказать еще и про остальные, более мелкие раны, но не стал. Боль он почти не ощущал, а другие раны не были хоть сколько-то серьезны, поэтому не было необходимости знать о них.

— Хоть ты так и говоришь, но я же вижу бинты… Клянусь… Военный врач сказал, что тебе следует отдохнуть несколько дней, так что по возвращению в свою комнату так и сделай.

— …Прости.

— Да, и в этот раз тебе не отвертеться, капитан… Что случилось? На тебя это совсем не похоже.

— О, Ваше Величество. Я уже поговорила с ним тет-а-тет, так что не нужно сильно наседать на него, — вмешалась Шиден, но Лена пропустила ее слова мимо ушей.

Шин чувствовал неприятный привкус во рту из-за того, что на него смотрели сверху в низ, поэтому встал и накинул на себя форму.

— Задумался немного… и не мог сосредоточиться. Больше этого не повторится.

— Не мог сосредоточиться?..

Лена колебалась лишь мгновение – теперь, как командующая, она обязана была отчитать его. Поведя бровью, она постаралась придать своему взгляду суровый вид.

— А произошло это из-за того, что тебя что-то беспокоит, да? И это что-то сбило тебя с ног? Или, может, я ошибаюсь?

— …

— Я говорила – это может плохо повлиять на операцию. Я просила решить эту проблему путем дополнительных консультаций или разговора со мной, если у тебя что-то не получается… Я выслушаю все, что ты скажешь, ведь таков мой долг… И это то, чего я сама хочу. Тебя будто приперли к стенке. Все переживают. И я в том числе… Так что случилось, Шин?

Пока она говорила, выражение на ее лице немного смягчилось, но серьезность во взгляде никуда не исчезла. Шин же отказывался смотреть на нее. Не мог сказать ей прямо, что для желаемого ей мира он – самый пагубный фактор. Что он все также идет навстречу смерти, а не к желаемому ей будущему. Что на данный момент он не мог находиться на ее стороне, и даже если хотел измениться, то просто не знал, как это сделать.

Он не хотел, чтобы она или кто-то еще знал о сжирающей его пустоте.

— Ничего.

Лена обеспокоенно нахмурилась.

— Нет, ты не можешь говорить так с подобным выражением лица. Знаешь, когда говоришь о проблемах остальным, может полегчать и…

— Ничего не случилось.

— Лжешь… Ты всегда говоришь одно и то же, но сейчас с тобой не все нормально. Если

чувствуешь боль, я не буду против выслушать тебя… Нет, я хочу, чтобы ты честно мне обо всем рассказал. Я, э, хочу поддержать тебя…

Шина начал раздражать их бессмысленный разговор, и он рефлекторно повысил голос:

— Сказал же, ничего… Это не твое дело и мне нечего добавить.

Но только после сказанного он понял. Глаза Лены широко раскрылись. А затем в них проступили слезы, словно ручейки из трещин алебастра.

— …Зачем ты так говоришь?

Ее голос дрожал, чего Шин еще не слышал.

— Все твердишь и твердишь это, но по лицу-то видно, что что-то не так. Тебе больно, тебя что-то терзает, но ты никогда и ничего не говоришь. Почему ты не хочешь поговорить со мной?.. На меня нельзя положиться? Я не настолько хороша, чтобы помочь тебе? Разве мы не…

Слезы текли по изящным белым щекам. Шина шокировали эти слезы, хлынувшие подобно реке из дамбы, он понимал, что должен сказать что-то, но понятие не имел что именно.

И пока он не мог подобрать слова, выражение лица Лены исказилось.

— …н-не сражаемся на одной стороне?..

Простой вопрос, но он больше походил на крик агонии. И дожидаясь ответа, Лена выбежала наружу.

— Э-эй, Ваше Величество!.. Лена!

Шиден поспешила за ней. Постукивание военных сапог становились все дальше. Но Шин не мог двинуться с места. Он так и стоял, слушая отдаляющиеся шаги.

□

Сколько он так простоял? Шин опомнился, когда звуки шагов совсем стихли. Даже если он бы сейчас захотел пойти за ней, та уже далеко ушла. Громко вздохнув, он предупредил доктора и пошел к себе.

Но как только он покинул палату до его ушей донесся голос.

— Не погонишься за ней, Ноузен?

— …Наблюдал?

Вик, облокотившись на стену, пожал плечами.

— Насколько бы зачерствевшим мое сердце ни было, даже я понимаю, что в некоторые разборки лезть не стоит. Время от времени я могу сказать то, что не совсем может понравиться.

Вик обернулся и взглядом указал направление, куда ушла Лена.

— Знаю, мне следует извиниться, — сказал Шин после короткого вздоха.

Он понимал, что совершил ошибку, но не мог сказать какую именно. Да, его ответ был груб, и это точно его вина. Он ранил ее. Но больно Лене было не из-за бездушных слов, но от его позиции. И вот здесь он уже не понимал, что сделал не так.

Исходя из сказанного самой Леной, проблема крылась в том, что он ничего ей не говорил. Только вот его терзания не то что бы связаны с ней. Он просто не хочет излишнее беспокойство с ее стороны, чтобы не висеть бременем на ее плечах. Не хотел, чтобы та узнала о мучающих его мыслях, которые при попытке превратить в слова казались еще более жалкими.

— Но извиниться и не знать, что сделал неправильно… Так я снова причиню ей боль.

Он только и делал, что причинял боль. Что тогда… что сейчас.

«И из-за этого мне… очень грустно.»

Вик склонил голову набок, а с его лица пропала типичная улыбка.

— Подумать только, ты настолько труслив.

Странное замечание поставило Шина в тупик.

— Труслив?..

— Да, но я говорю не о битвах или войне. На поле боя ты бесстрашен до безумия, что, конечно, тоже плохо, но…

Вик скрестил руки на груди и наклонился вперед, встретившись с Шином взглядом. Их рост был примерно одинаков, но Шин все же был немного выше его. Вик направил императорские глаза фиолетового цвета с мистическим оттенком на кроваво-красные Шина.

— Даже я, будучи лишь третьей стороной, понимаю, как что-то мешает тебе прийти к нужному ответу.

Он только делал вид, что глубоко задумался, но на самом деле даже не предпринимал попыток.

— Ты не не знаешь, что сделал неправильно. Ты просто не хочешь думать об этом. И если продолжить эту мысль, такое же поведение ты проявил по отношению к своей семье. Ты не не мог вспомнить – ты не хотел этого. Ты не хотел раскрывать старые раны… Ты можешь говорить, что не понимаешь, что сделал не так, или что не можешь вспомнить, но ты просто этого не хочешь. Не хочешь обрести надежду.

— Я…

Он вновь едва не попытался отрицать это. Он уже хотел было сказать, что не может надеяться на будущее, что у него и не может быть его. Таковы были его мысли на этот счет, но Шин осознал – правда в том, что он не хотел желать. Смерть – возможность для «восемьдесят шесть» перестать надеется на это самое будущее.

В таком случае он должен признать свой образ мышления ошибочным. Он мог надеяться на будущее и желать… но не мог позволить себе этого. Шин поэтому подсознательно скрывал эти чувства, словно такие мысли не приходили ему в голову.

Только вот владелец фиолетовых глаз не упустил этого из виду.

— О, я вроде не говорил тебе еще, да?.. Я знал твоего отца. Даже говорил с ним. Рейша Ноузен – исследователь в области искусственного интеллекта, прямо как Зелен. Хочешь, поведаю тебе о нем? Твои раны это вряд ли затронет, также лучше будет все же послушать меня, как думаешь?

— ?!..

Шин почувствовал комок в горле после неожиданного откровения.

«Будь хорошим мальчиком… Шин…»

Он не мог уже вспомнить их. Но он точно знал, что у него остались воспоминания. Голос мамы и улыбка на ее губах. Отец, брат… Их лица и голоса. Да, он помнил их всех. И когда он понял это, в то же время пришло нежелание вспоминать.

Он не считал, что, вспомнив, станет гнушаться своих воспоминаний, – вместо этого они будут слишком напоминать его настоящее желание. То самое счастье, о котором говорила Лена. Воспоминания и ее понятие счастья были для него одним и тем же, и он не мог разрешить себе вспоминать.

Он не хотел думать о счастье.

Не хотел вспоминать.

Ведь когда это произойдет…

Когда он наконец сблизится с ней…

Когда появятся желания…

И затем вновь…

Это по-настоящему пугало его.

— …Да, возможно.

— Признался-таки… Подростки в наше время скорее умрут, нежели позволят остальным прознать о своих слабостях. Но так ты заставляешь беспокоиться остальных. Если больно, так и скажи. А что насчет Миризе, то я расскажу тебе, в чем суть проблемы, ибо смотреть на вас двоих слишком тошно. Хотя тут дело не только в тебе. В общем, ты заявляешь, что не хочешь стать бременем, но отказ полагаться на нее она воспринимает за недостаток доверия с твоей стороны, что причиняет ей боль.

Принц пожал плечами. Он даже не осознавал, насколько сейчас его слова не соответствовали возрасту.

— Ну, если сможешь найти в себе силы, то да, лучше извиниться перед ней… Но исходя из опыта, попутно следует ей рассказать обо всем остальном. Ведь как только шанс будет упущен, останется только сожаление.

— …Что-то ты сегодня больно добр, Цепная змея.

Шин хотел подколоть его, но Вика это совсем не заботило.

— Да… Из-за Лерче.

Шин сощурился при упоминании этого имени.

— Семилетка, очевидно, сказала тебе то, чего не должна была. Поэтому мне следует извиниться. В обычное время я бы не не стал заострять внимание на твоих внутренних переживаниях, но ее слова могли послужить триггером, так что стоять в стороне мне как-то не по себе.

Голос Вика вдруг изменился; в нем более не было никаких эмоций, а его взгляд, казалось, смотрел на что-то недосягаемое.

— Найти совместное счастье – этого, вероятно, ты теперь хочешь.

— …

— Мне нет дела до твоих мыслей, но если это правда…

Шин только сейчас вспомнил, что в основе Лерче была молочная сестра Вика. Он не говорил ему об этом, но такой информацией поделилась сама Лерче. Кто же из них на самом деле желал обрести совместное счастье?..

— Ты действительно думаешь, что отсутствие желаний избавит тебя от страданий?.. Нет, ничего подобного. Неважно, захочешь ли ты когда-нибудь обрести счастье или нет, но когда испытаешь потерю – почувствуешь боль. Невыносимую.

Принц-гадюка слегка улыбнулся. Теперь он говорил с глубоко укоренившейся в сердце ненавистью.

— И тот самый человек все еще жив. Так что если тебе есть что сказать ей, говори прямо. Потому что когда ты потеряешь ее… Ты уже никогда не сможешь с ней поговорить. И мне кажется, ты в достаточной мере осознаешь боль, которую приносит такая участь.

□

Шиден находилась на базе чужой для нее страны. Сама культура Объединенного королевства отличалась от восемьдесят шестого сектора и Союза, поэтому и структура зданий в основе своей разнилась. Как следствие, резервная база, на которой они пребывали, имела запутанные коридоры для введения в заблуждение вражеских захватчиков – ориентироваться было очень сложно.

Лена носила неуклюжие в такой обстановке туфли и не могла убежать далеко. Куда тогда она могла запропаститься? Шиден обыскала каждый уголок, пока наконец не нашла Ее Величество, которая уткнулась головой в стол в пустом конференц-зале. Рядом с ней также была Грета, искренне недоумевающая от столь необычного поведения, и Райден, стоящий не слишком близко, но и не далеко – по-видимому, того немного беспокоило собственное бессилие и невозможность нарушить неловкое молчание. Заметив Шиден, он губами задал ей вопрос:

«Что случилось-то?»

Шиден ответила тем же способом:

«Да вот, поссорилась с этим козлом, Шином то есть.»

«О, вот оно как.»

Райден устало подвел итог безмолвным пожатием плеч. Шиден чувствовала себя точно также. Только посмотрев на Шина можно было легко догадаться, что того что-то беспокоит. Обычно он держит все в себе, и Шиден даже симпатизировала этой черте, ведь она сама так поступала. Но стоило ли срываться на Лене?

Шин всегда казался собранным и спокойным, но правда была иной – его запал был очень коротким. На самом деле заметить это тяжело, так как если ему что-либо не нравилось, он тут же замолкал. Да и к незнакомцам он относился прохладно, даже если те проявляли открытую агрессию.

Ссора Шина и Лены же показывала, что… он не смог сохранить самообладание. Вероятно, для него она считалась близким человеком… Или тем, к кому он хотел стать ближе.

И все же перед глазами Шиден сейчас сидела Ее Величество. Сложно сказать, заметила ли она колебавшегося Райдена, ворвавшуюся в зал Шиден и Грету, севшую рядом с ней. Лена повесила голову на стол и сидела неподвижно. Длинные серебряные волосы струились и напоминали крылья бабочек, намокших от дождя.

— Э… Ваше Величество, с тобой все в порядке?

— Простите, — приглушенно пробормотала она, не поднимая голову.

— …За что хоть извиняешься-то?

— Так я же… — всхлипнула Лена. — …Командующая решила поплакать перед своими подчиненными, потому что один из солдат резко выразился против нее…

Похоже, для нее это было позором. Грета горько улыбнулась.

— Ты словно себя коришь.

Лена подняла в удивлении голову.

— …Что, почему? — протараторила она, несмотря на свою обычную сдержанность.

Впрочем, все решили проигнорировать это. Улыбка Греты стала немного шире.

— Командующие действительно не должны проявлять эмоций перед своими подчиненными. Только вот на самом деле ими становятся намного позже, нежели ты в своем-то возрасте ребенка. Тогда, когда человек может контролировать свои эмоции хоть в какой-то мере. От таких, естественно, не ожидаешь выкриков или плача.

Офицерами становились только после получения высшего образования, а значит даже самое низкое из возможных званий, младший лейтенант, человек получал в свои двадцать лет. Но ветераны унтер-офицеры относились к ним все равно как к новобранцам.

Для достижения звания старшего лейтенанта или капитана, в зависимости от способностей, требовалось несколько лет службы. Полевым офицером раньше тридцати лет и вовсе никто не становился. Необычным было уже получение звания старшего лейтенанта или капитана в подростковом возрасте, чего уж говорить про Лену, ставшую полевым офицером.

— Ты была вынуждена взять ответственность, еще даже не научившись справляться с эмоциями – очередное доказательство степени проблемности общей ситуации… И эта вина ложится на наши плечи, то есть взрослых. Мы не смогли вовремя исправить такое положение. Не нужно винить себя.

Брови Лены грустно опустились.

— Но я ведь… должна подавать процессорам пример…

Теперь она поняла, насколько это невыносимо. Ей, честно говоря, было все равно на достоинство офицера, но она не хотела, чтобы «восемьдесят шесть» разочаровались в ней. Чтобы они видели в ней только… жалостливую принцессу, готовую разрыдаться по любому поводу.

Тем более, что перед Шином она уже проливала несколько раз слезы, поэтому ей отчаянно не хотелось совершать что-то подобное еще раз, чтобы за ней закрепился образ плаксивой принцессы.

— Все знают, что наш полковник все делает хорошо, и никто не станет думать о тебе плохо из-за пролитых слез. Скорее даже тебя посчитают более милой… Да?

Грета повернулась к Райдену, но тот проигнорировал ее. Очевидно, она имела в виду кого-то, кого здесь сейчас не было, но она не стала уточнять.

— Я поссорилась с Шином, — высказалась Лена, но в глазах вновь возникли слезы. — Он в последнее время выглядел чем-то обеспокоенным, и я думала, что тот все еще думает о прошедшей операции. Он странно себя вел и поступал также. Я решила, что выслушаю его, если он того захочет.

Кровавая королева сейчас говорила навзрыд, словно маленький ребенок.

— Но он… сказал, что ничего такого. Он не собирается мне рассказывать… Он не хочет положиться на меня.

Грета и Райден молчали, но в мыслях они сошлись: «А, конечно, ей это боль причинило».

«А хотя оно и понятно, капитан Ноузен же еще мальчик.» — подумала Грета.

Райден, впрочем, мыслил немного в другом направлении: «Нужно притащить этого идиота сюда, чтобы он вместо меня тут постоял.»

— Он сказал, что не хочет говорить со мной об этом… Не хочет говорить со мной о проблемах.

— Да что же это такое… — закатила Грета глаза. — Да… теперь я поняла. Но разве я не говорила тебе уже об этом? Расхождение во мнениях не есть что-то ненормальное. Не будь между вами перепалок, я бы задалась вопросом, а не слишком ли вы держитесь далеко друг от друга. Чем ближе два сердца находятся друг к другу, тем чаще они сталкиваются. Если уж вы ссоритесь и миритесь… то пусть это будет во время бушующей войны.

— Она так-то права, Ваше Величество. Ты сама мне говорила, что ссоры – это признак близости.

— …

По правде говоря, Лена так не думала.

— …Будь на месте меня Райден… — проговорила Лена голосом, полным детской обиды, из-за чего она даже сама удивилась. — …или даже Сео, Шин наверняка поговорил бы с вами. Он может рассчитывать на вас.

«В отличие от меня.»

Каким-то образом ей удалось проглотить эту мысль, ведь она была слишком неправильной. Лена уже не раз чувствовала себя отстраненно, когда Шин разговаривал с Райденом, Сео, Анжу, Креной и даже Марселем, его сокурсником из специальной офицерской академии. То же самое происходило и с другими – Файдом, который даже говорить не мог, Виком и Дастином.

При разговоре с ними он был другим. Более грубым, уклончивым, мог быть рассеянным и… несдержанным. С ними он не пытался подбирать слова. Он разговаривал с ними на равных. Лене не нравилось это чувство.

— Как бы сказать… Не думаю, что это так, — ответил Райден с горькой ухмылкой.

Как ни странно, в этой улыбке скрывалось сожаление. С этой ухмылкой он взглянул на нее – она была одновременно горькой и сладкой.

— Мы же «восемьдесят шесть». И все же для нас он Бог Смерти… Из-за этого мы можем сражаться с ним на одной стороне, но на большее рассчитывать не стоит… В отличие от тебя.

—

— Кэп.

Шин зашел в комнату в жилом секторе и понял, что Рито ждал его.

— Я слышал о произошедшем… Это из-за меня, да? Прости, я…

— Нет…

Шин слегка мотнул головой. Рито здесь был ни причем. Он просто не мог винить его за это, ведь теперь в нем появились те же сомнения. Рито направил свои большие агатовые глаза, в которых читалось сожаление и боль.

— Кэп, насчет предстоящей операции… по захвату горы Драконий клык, ну…

— …Хочешь остаться в штабе? — закончил за него Шин, видя нерешительность.

Операция по-настоящему пугала, учитывая огромный перевес сил Легиона. Только из-за одного отсутствия Рито вероятность успеха сильно падала… Но Шин не собирался заставлять идти в бой тех, кто этого не хотел. Кто бы ни пошел против своей воли… вряд ли уже вернется.

Однако следующие решительные слова Рито удивили Шина.

— Нет, все как раз наоборот, кэп – не вычеркивай меня с операции. Я… разберусь с чувствами до того, как придет время для развертывания.

— Ты не… напуган?

Разве он не боялся смерти, ждущей его в конце сражения?.. Так называемой судьбы всех «восемьдесят шесть»?

— Мне очень страшно, — ответил Рито, поджав белые губы.

В его взгляде читалась все та же робость, но…

— Но я… не могу сбежать с поле боя. Даже слышать такое бесит.

«Восемьдесят шесть» выбрали сражение до самого конца и никогда не примут другой выбор – бежать. Для них этот плачевный вариант не существовал.

— Я не хочу… отказываться от своей личности.

Пусть даже он сомневался в ней.

http://tl.rulate.ru/book/36621/1362008